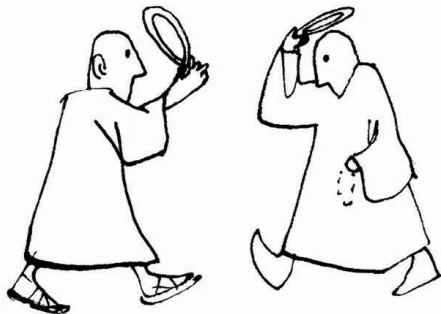

«Torzhestvenny» вместо «vostorzhenny» — Ричард МакКейн и Леонид Аронзон

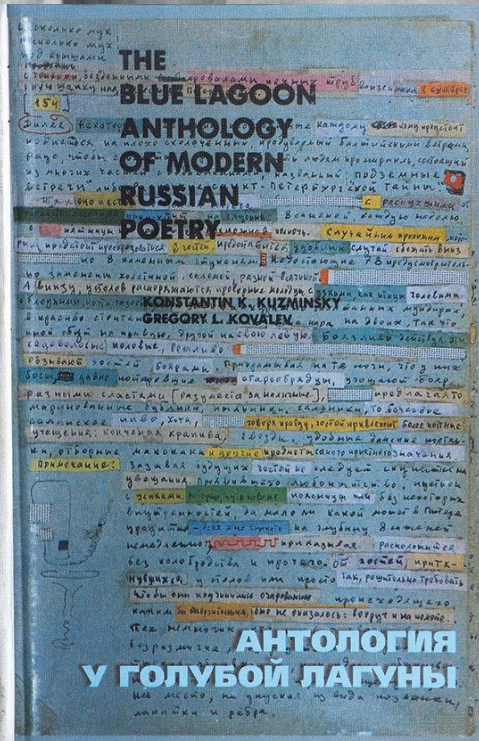
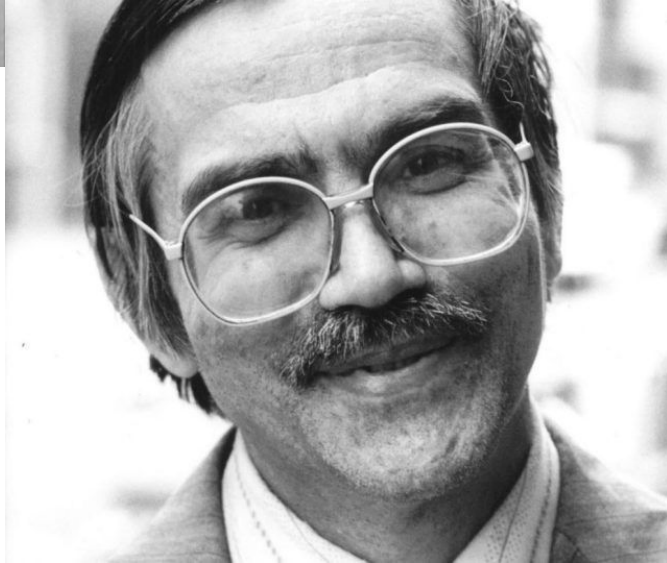
Швед Д, НИУ ВШЭ СПб

*Исследование выполнено в рамках проекта “Русский верлибр: антология, типология, исследования”, поддержанного научным фондом НИУ ВШЭ, №24-00-030

Ричард МакКейн (1947-2016)

Проснулся я: ещё не умер!
Кто это пляшет под луной
в холмистых зим архитектуре
ко мне повёрнутый спиной?

Мы все чудовищно устали:
всё скверно, ежели не пить,
мой двойничок, бедняжка, Алик,
но ты по-прежнему пиить.

Я говорю: «Покойной ночи!»
России, дереву, жуку.
Уютные читают очи
в постели Пушкина строку.

***

I woke up – so I'm not dead yet!
Who is dancing in the moonlight
in the architecture of hilly winters
with his back turned to me?

We are all awfully tired,
everything is dreadful if one does not drink,
my little double, poor soul, Alex,
but you remain a poet-drinker.

I say goodnight
to Russia, to a tree, to a beetle.
Meanwhile your comfy eyes read
a line of Pushkin in bed.

1967

You were dissolved
in the world space.

Waves had not yet turned to foam
and you were all around.

You were the breath of a winged beast,
you were his water in a river,
and you were so beautiful,
beautifully unformed.

И ты была растворена
в пространстве мировом,
еще не пенилась волна,
и ты была кругом.

Крылатый зверь тобой дышал
и пил тебя в реке,
и ты была так хороша,
когда была никем!

Здесь ли я? Но Бог мой рядом,
и мне сказать ему легко:
– О, как красива неоглядность
и одиночество всего!

Куда бы время ни текло –
мне всё равно. Я вижу радость,
но в том, что мне её <не> надо:
мне даже снится тяжело.

Однако только рассвело,
люблю поднять я веко, око,
чтобы на Вас, мой друг, на Бога,

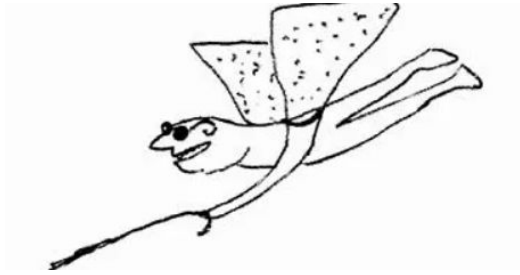
смотреть и думать оттого:
– Кто мне наступит на крыло,
когда я под Твоей опекой.

(1969 или 1970)

Am I here? God, though, is by my side,
and it's easy for me to say to Him:
'Oh, how beautiful is the boundlessness
and the solitude of everything!'

Wherever time would flow
I don't care. I do see joy,
but in that which makes me not need it,
I even don't want to be seen in dreams.

However at daybreak
I like to raise an eyelid
to look at you, my friend,
to look at God and think thus:
'Who could clip my wings
when You are my protector?'
1969 or 1970

We can now see

the worlds that once were hidden.

We stand and stare in admiration,
and process like a retinue of an icon.

Стали зримыми миры

те, что раньше были скрыты.

Мы стоим, разинув рты,
и идем иконы свитой.

***

In the open, I breathe the open.
Sudden sadness. Stream. Bank.
Don't I sense the sounds
of my sadness in the wings of a beast?
It's flown away... I am alone.
I see nothing any more.
Ahead is only the sky.
The air is black and motionless.
There where I stood, a naked girl
in some far-off childhood.
What is there? A tree, a horse
or someone completely unknown?
1967 (?)

В поле полем я дышу.
Вдруг тоскливо. Речка. Берег.
Не своей тоски ли шум
я услышал в крыльях зверя?
Пролетел... Стою один.
Ничего уже не вижу.
Только небо впереди.
Воздух чёрен и недвижим.
Там, где девочкой нагой
я стоял в каком-то детстве,
что там, дерево ли, конь
или вовсе неизвестный?

“Empty Sonnet” immediately struck me with its solemn sadness: to the extent that I at first mistakenly translated “vostorzhenny”: rapturously, by “torzhestvenny”: solemnly.

- *R. McKane “Notes from Aronzon”*

205. Возвращение

Так оглянись: и ты увидишь осень,
где улицы роняют полусвет,
где голый дождь, раскаляваясь оземь,
как лёгкое вино на торжестве
подрагивает. Серые дома, как звери серые,

Там, где, юродствуя, корни
щупальца пыжат в узлах,
бор, разрезаемый взморьем,
тих, как торжественный зал.

Но и за светопреставленьем
найдем ковчег исполнить встречу,
зажжём торжественные свечи,
чтоб наших душ увидеть тени!

And Isaiah Berlin wrote to me: Continue, continue, continue'

but now my friends comprise Death's retinue,

almost fewer among the living as Aronzon said,

and one day I too will join you the majority, the dead.

- R. McKane "*For Nikos Stangos*"

or Mandelstam's last poem to Natasha Shtempel,

or Aronzon's 'Who loved you more rapturously than I?'

The list could go on but these would be my best,

but I wouldn't be able to rest

until I'd decided whom my Valentine would bless.

- R. McKane "On the eve of St Valentine I was voraciously reading Young Turk..."

